

Ившин Л.М.  
г. Ижевск

## **О некоторых рукописных словарях удмуртского языка XVIII – первой половины XIX века**

Рукописные словари удмуртского языка, особенно созданные в XIX веке, в течение долгого времени по разным обстоятельствам оставались и остаются неизданными и недостаточно изученными. Хотя и ученые-языковеды в течение последнего столетия время от времени обращались к ним и в какой-то мере вовлекали материалы в научный оборот, анализ рукописей оставался и остается весьма поверхностным (см., например: [11: 330–336, 12: 302; 13: 61]). Названия рукописных лексикографических работ в основном приводились только для констатации факта об их существовании. В нашем исследовании мы более подробно остановимся на анализе особенностей структуры словарных статей трех наиболее крупных лексикографических работ, составленных в конце XVIII – первой трети XIX столетий: удмуртско-русского словаря З. Кротова, удмуртско-русского словаря 1816 года и русско-удмуртского словаря 1820 года.

Прежде чем начать анализировать вышеотмеченные труды, хотелось вкратце остановиться на их предшественниках – разного рода глоссариях. Первые словари, а если выражаться точнее, списки удмуртских слов, были тематическими, они появились в начале XVIII столетия. Причиной тому в первую очередь, была политика культурного развития страны: намерение всесторонне изучить окраинные территории России, народы, их быт и языки. В истории науки XVIII век иногда называют «веком великих экспедиций» [15: 82]. И по правде говоря, ни в одной стране ни тогда, ни в другое время, научные экспедиции не достигали такого размаха, как именно в России. По некоторым подсчетам за это столетие количество масштабных экспедиций достигает внушительной цифры – 50. Участникам экспедиций, помимо прочего, предписывалось изучение не только быта, обычаев, истории народов России, но и сбор материала об их языке.

По последним данным наиболее ранние памятники письменности на удмуртском языке датируются 1726 годом [3: 57; 4: 14; 7: 153; 8: 147–148]. Первый рукописный словарь, содержащий более 350 удмуртских слов, написанных на основе латинской графической системы, принадлежит перу Д.Г. Мессершмидта – первого ученого-путешественника по Сибири. В 1719 году для изучения страны, ее природных ресурсов, истории и этнографии он был направлен в Сибирь и в течение своего семилетнего путешествия (1720–1726 гг.) собрал богатые материалы различного характера по народам Поволжья и Сибири, в том числе по удмуртскому языку.

В 1733 г. была организована Камчатская экспедиция, среди участников которой были крупные ученые того времени Г.Ф. Миллер и Й.Э. Фишер, которые тоже фиксировали данные об удмуртском языке посредством латинской графики. В рукописной работе первого под названием «Собрание речей вотяцкого языка» содержится 303 слова, собранные из диалектов удмуртов Казанской губернии [12: 31]. Й.Э. Фишер также собрал порядка 295 удмуртских слов. Материалы его рукописи увидели свет в конце прошлого столетия в исследованиях венгерских финно-угроведов Ш. Чуча [16: 311–320; 17: 63–80] и Я. Гуйи [18].

В 1780-е годы по заданию императрицы Екатерины II П.-С. Паллас занимался собиранием и обработкой лексических материалов по различным языкам, в их числе по удмуртскому. В крупнейшем лингвистическом труде той эпохи «Сравнительные словари всех языков и наречий...» [9], включающем в себя 273 понятия на двухстах языках Азии и Европы, под номером 65 содержатся и удмуртские слова, написанные на кириллической графике. Известно, что главным редактором первого издания словаря был П.-С. Паллас [2: 429]. Как отмечает Т.И. Тепляшина, рукописи словника П.-С. Палласа в нескольких вариантах сохранились в архиве Кировской области и Архиве Академии наук в Санкт-Петербурге, но они «настолько близкие по составу и характеру истолкования, что их можно считать различными списками одного и того же словарного текста» [12: 78].

Создание других рукописных словарей было связано с укреплением и развитием христианской религии и христианской культуры среди нерусского населения России. К таким памятникам относятся удмуртско-русский словарь З. Кротова 1785 года («Краткой Вотской словарь съ россійскимъ переводомъ собранный и по Алфавиту расположенный села Еловскаго Троицкой церкви священникомъ Захаріею Кротовымъ»), удмуртско-русский словарь 1816 года («Словарь языка вотяков, собранный священником Степаном Сидоровым в Вотяцкой деревне Елова в Вятской губернии. В октябре 1816 г. С примечаниями профессора Цеплина в Казани») и словарь языка вотского 1820 года. Как видим, в названиях первого и второго словарей указаны фамилии составителей и населенные пункты, где был собран лексический материал по удмуртскому языку.

Появление некоторых рукописных лексикографических работ можно объяснить увлеченностью некоторых грамотных людей того времени. К словарям такого рода относится, например, «Свод некоторых слов русских, пермяцких, зырянских, вотяцких и чувашских» 1833 года, составленный служащим Ф.А. Волеговым. Материалы этого словаря и выписка самого Ф.А. Волегова были опубликованы с частичным сохранением орфографии рукописи чувашским языковедом А.А. Алексеевым. Из выписки мы узнаем, что свой словарь Ф.В. Волегов собирал, проезжая по Вятскому и Казанскому тракту, чтобы сравнить чувашские, удмуртские, коми-пермяцкие и коми-зырянские слова и убедиться в их схожести.

Рассмотрим, каковы были принципы составления словарей.

1. Рукописная удмуртская лексикография XVIII – первой половины XIX века была только еще в самом начале своего развития, строилась и развивалась по традициям русской лексикографии: тематической (ономазиологической или понятийно-семантической) и алфавитной (семасиологической).

Основой тематической лексикографии был готовый русский словник, который был ориентирован на отображение живого разговорного языка и преследовал, прежде всего, практические цели. К таким словарям можно отнести почти все русско-удмуртские глоссарии, составленные в течение XVIII века, а также списки слов, включенные в грамматики последней четверти XVIII столетия [10; 6] и удмуртско-русский словарь 1816 года. Тематический принцип построения превращал их в так называемые словари-разговорники, в которых выделяются следующие тематические группы слов (хотя иногда они не имели оглавлений): названия бога, природных явлений, родственных отношений, частей человеческого тела, внутренних органов, инструментов, домашней утвари, металлов, продуктов питания, растений, деревьев, ягод, плодов, птиц (диких и домашних), животных и др.

Первый алфавитный словарь под названием «Краткой Вотской словарь съ россійскимъ переводомъ собранный и по Алфавиту расположенный села Еловскаго Троицкой церкви священникомъ Захаріею Кротовымъ» был составлен в 1785 году. Здесь слова располагаются по алфавиту, причем алфавитному расположению подвергнуты не только начальные, но и

последующие буквы удмуртских лексем. Стоит обратить внимание на то, что заглавные слова с примерами и производными словами не объединены в одном гнезде, а даются в разных словарных статьях, например: *джòдгъ* [*çog*] 'вдруг, скоро весьма, скорый, скорость, поспешный'; *джòдгъ гинè* [*çog gine*] 'вскорм, въмигъ, въмахъ, поспешно'; *джòгъ вуискò* [*çog vuisk'o*] 'предъускоряю'; *джòгъ вуёмъ* [*çog vuem*] 'предъускорение'; *джòгъ вуись* [*çog vuisk'*] 'предъускоритель' [5: 47–48]. Это можно объяснить, как нам кажется, тем, что составители хотели разграничить переводы, так как они в данном случае являются совершенно разными словами.

В словарях, входным языком которых является русский, данная особенность не наблюдается. Так, например, в русско-вотском (=русско-удмуртском) словаре 1820 года каждое слово или словосочетание составляет отдельную словарную статью.

2. Рукописные памятники удмуртского языка, как правило, включают в свой реестр наиболее стабильную, традиционную часть словарного богатства своего языка. В них можно обнаружить все части речи удмуртского языка. Каждый словарь отличается разнообразием и своеобразием в самом отборе лексических средств. Удмуртские слова главным образом даны в основной форме, за исключением глаголов, приводимых в 1 лице единственного числа настоящего времени. Это относится как к удмуртско-русским словарям, так и к тем, входным языком которых является русский язык.

Имена существительные в словарях занимают доминирующее место. Они даны в форме номинатива, а рядом, через запятую, приводится показатель генитива.

В некоторых словарях реестровые слова даются как синонимичные определения (обычно не более двух), например: *ай* или *атай* [*aj, ataj*] 'отец, родитель'; *снай* или *цеберь* [*spaj, Seber*] 'великолѣно, великолѣпие' [5: 4, 203]; *ак5*, *сузёрь* [*ak+, suzer*] 'меньшая сестра'; *ным5*, *чибинь* [*n+m+, kib'in*] 'комарь' [Словарь 1816: 3, 21]; *косысь* или *возматысь* [*kos+s', voz'mat+s'*] 'указчикъ'; *нерь* или *шуцйò* [*n'er, AuCo*] 'пруть, лоза'; *вазбыжь*, *вожопоскй* [*vajob+~, vo~opos'k+*] 'ласточка'; *пурысь*, *пурокмемъ* [*pur+s', purukmem*] 'седый' [Словарь 1816: 3, 18, 20, 34] *ведьнь* или *пеллбсь* [*ved+n, pell'as'*] 'волшебникъ'; *му* или *цецè* [*mi, CeCe*] 'медь'; *зуректёмъ* или *тернамъ* [*zurektem, turnam*] 'обрюзглый' [Словарь 1820: 7, 26, 31]. Это не что иное, как диалектные варианты регионально-этнографического характера.

Авторы рукописей, возможно, были знакомы с явлением омонимии. Однако выделение их в связи с неразработанностью явления омонимии в то время производится непоследовательно. В большинстве случаев омонимы даются в составе одной словарной статьи: *ветлòнь* [*vellon*] 'ѣзда, проѣзжание, хождение'; *кэй* [*kej ~ kuj*] 'моль, сало'; *пель* [*pel'*] 'ухо, черень, ручка'; [5: 24, 117, 166]; *изьянь* [*izjan*] 'нечастие, убытокъ'; *шон4рь* [*Aon'er*] 'праведный, прямой' [Словарь 1816: 3, 36]; *тыбырèсь* [*t+b+res*] 'горбунъ, горбъ'; *пýсь* [*pus*] 'метка, примѣта' [Словарь 1820: 12, 27]. Иногда они правильно выделены и

оформлены в отдельные реестровые слова, например: *куть* [kut] 'муха', *куть* [kut] 'лапоть'; *мый* [m+j] 'бобръ', *мый* [m+j] 'въ лѣтахъ'; *шеръ* [Aer] 'брусь, осзлка', *шеръ* [Aer] 'рѣдко, рѣдкій, нечасто, несчастый' [5: 105, 140, 162].

3. В словарях придается большое значение иллюстрациям. В начале зарождения удмуртской лексикографии информация о реестровом входном слове была весьма скудной, так как в качестве иллюстрации приводились в основном одиночные слова или словосочетания (очень редко). Например: *душѣсь* [duAes] 'коршунъ', *зу* [zu] 'щетина', *каръ* [kar] 'городъ'; *квинмó юкыскѣмъ* [kvin'to juk+s'kem] 'на трое раздѣленный', *неб5тъ ку* [n'eb+t ku] 'кожа мягкая' и др. [5: 56, 64, 76, 81, 145]; *ибылысконъ узвесь* [+b+l+s'kon uzves'] 'свинецъ'; *седъ сутѣрь* [s'ed ~ s'ud suter] 'смородина'; *пкъзъ* [p+z'] 'мука'; *тлобурдо кутысь* [tloburdo kut+s'] 'птичникъ' [Словарь 1816: 10, 14, 16; 32]. Среди словосочетаний наиболее часто встречаются такие модели, как: существительное + существительное (в большинстве случаев), прилагательное + существительное и наречие + существительное. С развитием национально-русской лексикографии повышается и интерес к иллюстрированию. Не случайно исследователи подчеркивают, что «именно примеры и только примеры позволяют читателю составить точное представление о конкретном значении слова...» [1: 182]. К сожалению, в удмуртской рукописной лексикографии XVIII – первой половины XIX века иллюстративным материалом служили только лишь те словосочетания, которые сочиняли сами составители. Причиной этому была, возможно, нехватка опыта составления словарей, а также отсутствие литературных и научных изданий на удмуртском языке.

Стремясь к количественной полноте охвата словарного состава удмуртского языка, некоторые лексикографы чрезмерно увлеклись вводом в рукописи словарных статей-словосочетаний. Например, в словаре З. Кротова с лексемой *уродъ* [urod] 'уродъ, худо, худой, подлый, подло' дано 24 сочетания, типа *уродъ кылъ* [urod k+l] 'безславие', *уродъ малпамъ* [urod malpam] 'вражда' *уродъ ше* [urod Ae] 'знакъ худой' [5: 242, 243] и др., на слово *покъцй* [pokCj] 'маленькій' – 18, на *буръ* [bur] 'плодовитый, прибыльный, благополучный' – 17 словосочетаний и сложных образований. Необходимость использования словосочетаний для более полного раскрытия содержания слова указывается в работах и современных лексикографов [14: 183].

4. В современной лексикографии при слове широко используются различного рода пометы, которые дают дополнительные сведения о представленной лексеме. При анализе удмуртской рукописной лексикографии указанного периода мы сталкиваемся с одним их типов: грамматическими или информативными пометами. Необходимо указать на то, что в рукописях, составленных по тематическому принципу, а также в тех, входным языком которых является русский язык, эти пометы отсутствуют. Они характерны только для лексикографических работ, построенных на алфавитном принципе, входным языком которых является удмуртский язык.

Из грамматических помет обычно указаны принадлежность к той или иной части речи (наречие, союз, предлог (точнее: послелог – Л.И.), междометие), например: *кызъ* [k+z'+] 'нармчѣ какъ'; *но* [no] 'союзъ и'; *озъ* [oz' a] 'междометіе такъ ли'; *пучкрьс* [pučk+s'] 'предлогъ изъ' [5: 107, 141, 156, 184].

После глаголов, приводимых в форме 1 лица единственного числа настоящего времени, указывается тип спряжения. Подобная подача слов этой части речи вполне объяснима: в удмуртском языке существует два вида спряжения: *исаккô* [isas'ko] '1 спр. раздражаю, раздраживаю, огорчаю', *кудзыльскô* [ku>>+s'ko] '1 спр. пьянь бываю, пьянствую' [5: 69, 97]. Подобное выделение спряжений удмуртских глаголов было отмечено еще в первой печатной грамматике удмуртского языка [10], а в рукописном словаре З. Кротова, как видим, оно традиционно повторилось. В современном же удмуртском литературном языке имеем обратную картину: к первому спряжению относятся глаголы на *-ыны*, ко второму – на *-аны*.

Имена существительные, как уже отметили выше, обозначены показателем родительного падежа *-лэнъ*, приводимым после реестрового слова: *кудô*, *лэнъ* [kudo] 'свать'; *ношленци*, *лэнъ* [noA'enCi] 'носилки'; *шукысь*, *лэнъ* [Auk+s] 'память, также обычай' [5: 97, 148, 269].

Нередко встречаются пояснения, которые, как нам кажется, помогают понять терминологическое направление языка перевода-эквивалента, например: *намёръ* [nater] 'княженика ягода'; *сирпу* [s'irpu] 'вязь дерево'; *цябакъ* [Cabak] 'шакляя рыба'; *чущьблъ* [čuš'bjal] '\$жъ звтръ'; *шушй* [AuA+] 'филь птица' и др. [5: 144, 200, 253, 260, 271].

Таким образом, первые словари удмуртского языка были составлены в течение XVIII века на основе русских словников и являлись тематическими. Первый алфавитный словарь под названием «Краткой Вотской словарь съ російскимъ переводомъ собранный и по Алфавиту расположенный села Еловскаго Троицкой церкви священникомъ Захаріею Кротовымъ» был подготовлен в рукописи в 1785 году. Удмуртские слова в словарях были главным образом даны в основной форме, за исключением глаголов, приводимых в 1 лице единственного числа настоящего времени. Уже в то далекое время лексикографами-практиками в той или иной степени верно были оформлены словарные статьи, представляющие собой омонимы или синонимы, учитывалась полисемия удмуртских слов. В рукописных лексикографических памятниках непоследовательно приводились и пометы при словах, в основном грамматического и терминологического характера.

#### Литература и источники

1. Богатова Г.А. История слова как объект русской исторической лексикографии. – М.: Наука, 1984. – 256 с.
2. Грот Я. Филологические занятия Екатерины II // Русский архив. 1877. № 4. – С. 425–442.

3. Ившин Л.М. Язык лингвистических материалов Д.Г. Мессершмидта // Рукописные памятники как предпосылки создания национальной письменности: Материалы межрегиональной научной конференции, посвященной 170-летию со дня написания рукописной грамматики пермяцкого (совр. коми-пермяцкого) языка / Перм. гос. пед. ун-т. – Пермь, 2008. – С. 57–64.
4. Кельмаков В.К. Становление письменности и зарождение удмуртской филологии // Очерки истории удмуртского литературного языка: Учеб. пособие / Удмуртский государственный университет. Факультет удмуртской филологии. Кафедра общего и финно-угорского языкознания (= Удмурт вераськетъёс 8). – Ижевск: Издательский дом «Удмуртский университет», 2008. – С. 13–28.
5. Кротовъ 1785 – Удмуртско-русский словарь / РАН. УрО. Удм. ин-т ИЯЛ. – Ижевск, 1995 (= Краткой Вотской словарь съ російскимъ переводомъ собранный и по Алфавиту расположенный села Еловскаго Троицкой церкви священникомъ Захарѣю Кротовымъ, 1785 года). XX + 208 с. (Памятники культуры Удмуртии: Лингвистическое наследие: Памятники удмуртской филологии I).
6. Могилинъ 1786 – Краткой отяцкія Грамматики опытъ = Опыт краткой удмуртской грамматики / Отв. ред. Л.Е. Кириллова; Слово к читателям – Л.Е. Кирилловой, Предисл. – К.И. Куликова; Прил. – Т.И. Тепляшиной. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1998. 203 с. (Памятники культуры: Лингвистическое наследие). Комм.: с. 121–191; Прил.: с. 192–201.
2. Напольских В. В. Дважды забытый (Д.Г. Мессершмидт – первый исследователь удмуртского языка и культуры) // Арт. 1998. № 4. – С. 146–156.
3. Новлянская М.Г. Даниил Готлиб Мессершмидт и его работы по исследованию Сибири. Л., 1970. – 184 с.
4. Паллас П.-С. Сравнительные словари всех языков и наречий, собранные десницею Всевысочайшей особы. – СПб. Т. 1. 1787. Т. 2. 1789.
5. Сочиненія 1775 – Сочиненія принадлежащія къ грамматикѣ вотскаго языка. Въ Санктпетербурге при Императорской Академіи наукъ 1775 года. 113 с. [В кн. Первая научная грамматика удмуртского языка / Удмуртский НИИ ист., экон., лит. и языка при Совете Министров Удм. АССР. – Ижевск: Удмуртия, 1975].
6. Тараканов И.В. О старинных рукописных словарях удмуртского языка // Исследования и размышления об удмуртском языке: Сб. статей: Пособие для высших учебных заведений. – Ижевск: Удмуртия, 1998. С. 330–338.
7. Р. Ин-т языкозн. – М., 1965а. Вып. 1. – 324 с.
8. Тепляшина Т. И. О рукописных памятниках коми-пермяцкого языка // СФУ. 1965б. № 1. – С. 60–61.
9. Тер-Минасова С.Ш. Проблема лексической сочетаемости в двуязычных учебных словарях // Всесоюзная конференция. Современное состояние и

- тенденции развития отечественной лексикографии. Актуальные проблемы подготовки и издания словарей. – М.: Русский язык, 1988. – С. 183–184.
10. Токарев С.А. История русской этнографии (Дооктябрьский период) / АН СССР. Ин-т этнографии; Отв. ред. Э.В. Померанцева. – М., 1966. – 456 с.
  11. Csucs S. Egy 18. szazadi votjak nyelvemlek // NyK. 1883. № 2 (85). – 311–320 old.
  12. Csucs S. A votjak nyelv a 18. szazadban // NyK. 1984. № 1 (86). – 63–80 old.
  13. Gulya J. Vocabularium Sibircum: (1747); der etymologisch-vergleichende Anteil / Johann Eberhard Fischer. Bearb. und hrsg. von Janos Gulya. – Frankfurt am Main; Berlin; Bern; New York; Paris; Wien: Land, 1995 (= Opuscula Fenno-Ugrica Gottingensia; Bd. 7). – 252 S.